

произведения, т. е. становится в точном смысле этого слова процессом самоорганизации»²⁰⁶.

Именно в художественном творчестве идея свободного само-дотраивания как своеобразное восполнение недостающих звеньев в тексте, форме, структуре предельно самоценно и оправдывает существование художественных текстов как открытых коммуникативных систем.

СВЯТОЙ, АНГАЖИРОВАННЫЙ, ПРОЛЕТАРИЙ: ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТОСА ФРАНЦУЗСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА (НАЧАЛО – СЕРЕДИНА XX В.)²⁰⁷

Е. П. Неменко

Кризис гуманитарного знания в России и мире ставит перед интеллектуалами-гуманитариями жесткое требование обоснования собственной эффективности в условиях модернизации. Для того, чтобы выстраивать диалог с различными социальными институтами за пределами университета (с общественностью, государством, бизнесом) необходимо обратиться к истокам престижа статуса интеллектуала в проекте модерн. Задача данной статьи – реконструировать типы дискурсов о роли интеллектуалов на примере Франции с начала XX века до Второй Мировой войны и соотнести их с ценностными режимами, внутри которых они артикулировались. Не смотря на то, что познание и искусство мыслились в проекте Просвещения как область, автономная от морального содержания и экономического интереса, дебаты о месте и роли интеллектуала в обществе с самого начала имели этическое измерение²⁰⁸. Вокруг фигуры интеллектуала велась борьба в рамках нескольких ценностных режимов, каждый из которых имел собственное понимание роли интеллектуала. В данной статье предстоит выявить сами ценностные режимы, которые сталкивались «в борьбе» за интеллектуалов.

Почему речь идет о ценностных режимах? Следуя за теоретическими разработками французской прагматической социологии, мы предполагаем, что любая позиция в споре определяется ценностными предпочтениями субъекта. Такое теоретическое

²⁰⁶ Каган М. С. Формирование личности как синергетический процесс // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности / отв. ред. О. Н. Астафьева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 225.

²⁰⁷ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук МК-8742.2016.6.

²⁰⁸ «Artistes/politiques», sous la dir. de F. Matonti // Sociétés & représentations. N°11. février 2001.

допущение не ведет к релятивизму, поскольку ценностные предпочтения, будучи сознательно или бессознательно выбраны самим субъектом, тем не менее укоренены в социальном порядке и не являются полностью произвольными. Мы используем концепт «ценностный режим», опираясь на теорию «градов» французских социологов Л. Болтански и Л. Тевено²⁰⁹. Грады Болтански и Тевено – это порядки легитимности, восходящие к тому или иному принципу обоснования справедливости, т. е. пониманию общего блага. В каждом граде выстраивание иерархии, определение «величия» (значимости, легитимности) актора или практики подчинено конкретному пониманию общего блага, которое в рамках данного града является главным. Например, быть «великим» в научно-техническом граде означает быть эффективным и производительным, а в патриархальном граде – быть старшим по возрасту. Если грады – это идеально-типические модели выстраивания иерархий, то ценностные режимы – конкретные правила и способы наделения престижем в соответствии с главной ценностью, или особым пониманием общего блага.

Почему модель градов и ценностных режимов имеет принципиальную важность для нас? Она позволяет преодолеть основной постулат критической теории, который связывает позицию в споре с борьбой за тот или иной вид капитала (как, например, в теории полей Пьера Бурдьё). Критическая теория, претендуя на объективное видение подлинных интересов, вокруг которых разворачивается борьба, как показал Л. Тевено²¹⁰, сама исходит из определенной ценностной позиции (ценность объективности). Поэтому наша задача состоит в том, чтобы заново провести разделительные линии, по которым на самом деле ведется борьба в поле интеллектуального производства, и вместо войны за ресурсы увидеть войну ценностных режимов, то есть состязание за переопределение общего блага.

Ценностный режим, который доминирует в поле искусства с момента его автономизации от института религии в XIX веке, как показала французский социолог искусства Натали Эйниш, – это теологический режим. Не смотря на то, что искусство выделяется в самостоятельную секуляризованную область профессиональной деятельности, принцип построения иерархии внутри этой области подчиняется религиозной модели «восхождения к святости». Центральной ценностью мира искусства, как показывает Эйниш, долгое время был доступ художника к трансцендентному, состояние

²⁰⁹ См.: Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

²¹⁰ Тевено Л. Наука вместе жить в этом мире // Неприкосновенный запас: дискуссии о политике и культуре. 2004. № 3. С. 5–14.

благодати, которое художник обретал, будучи подготовлен к этому длительной аскезой. В чистом виде эта модель соответствует граду вдохновения Болтански и Тевено, в котором состоянии благодати является главным благом. Процесс согласования требований секуляризованного общества с теологической моделью построения иерархии в мире искусства Эйниш называет «нормализацией»²¹¹. В результате нормализации художник становится «секуляризованным святым». Чтобы описать модель нормализации художника-святого, Эйниш обращается к труду священника XIII в. Жака де Вуражин «Жизнь святого», посвященной описанию этапов жизни святого. Автор называет четыре этапа жизни святого в его «восхождении к святости»: первый этап – девиация, отклонение (бытие вне общественных норм); второй этап – обновление (переворачивание ситуации нахождения вне границ здравого смысла в нечто позитивное, новое); третий этап – примирение, признание (движение, посредством которого сообщество инвестирует в этого персонажа, признает его святым); четвертый этап – паломничество (возвращение сообщества на священное место, чтобы продемонстрировать свою причастность к святому). Таким образом, в этой модели святой проходит все этапы, чтобы быть признанным как святой – от отрицания сообществом до признания и поклонения.

Классический пример такого «восхождения к святости» – биография Винсента Ван Гога. Эйниш обращает внимание, с одной стороны, на проблематику обожания (славы), а с другой, на проблематику сингулярности, выпадения за рамки социально приемлемого, которое осуществляет художник-святой. При чем обе проблематики связаны между собой. Именно преклонение, слава помогают перейти от негативных определений сингулярности как чего-то странного, лишнего, ненужного к позитивному определению сингулярности как чего-то оригинального, новаторского. Именно преклонение позволяет осуществить переход от дисквалифицирующего определения к квалифицирующему в силу одной и той же причины: объект находится вне здравого смысла и общественных норм. И в то же время процесс валоризации сингулярности делает возможным преклонение. И то, и другое конструируются взаимно.

Если до начала XX века модель восхождения к святости, соответствующая теологическому ценностному режиму, превалировала, то со знаменитым «делом Дрейфуса» и появлением «интеллектуалов» в 1895–1898 гг. ситуация начинает меняться. Сам термин «интеллектуал», который впервые объединил в себе всех представителей творческих профессий (ученых, писателей, художников) по политическому признаку, то есть в зависимости от их

²¹¹ Heinrich N. *L'élite artiste. Excellence et singularité en régime démocratique*. Paris, Gallimard, 2005. 370 p.

позиции в «деле Дрейфуса», ставил вопрос о некотором отношении интеллектуалов к происходящим в обществе переменам²¹². В период между двумя мировыми войнами происходит перестройка поля интеллектуального производства и переопределение этоса творческих профессий. Главной переменной стала обращенность на Другого как новая и важная форма легитимации собственной позиции. Теологический ценностный режим обоснования интеллектуалов вытесняется демократическим (термин Н. Эйниш), или социологическим ценностным режимом.

В каких формах проявляется эта обращенность на Другого в структуре этоса интеллектуалов? Во-первых, в политизации теологического дискурса. Классическим выражением этой тенденции стала концепция ангажированного интеллектуала Жана Поля Сартра²¹³. Важнейшим свойством интеллектуала, отличающего его от любого другого деятеля культуры, является его вовлеченность, причастность к современности, к политической жизни страны, другими словами, ангажированность. Предполагалось, что ответственный интеллектуал должен занять сознательную политическую позицию и публично выразить свои политические взгляды, поскольку каждое его не проясненное слово может быть использовано врагом. Ответственность интеллектуала за свои слова и поступки перед обществом, нацией и человечеством связывалась Сартром с его привилегированным положением, а именно, с доступом к истине, которым интеллектуал обладал в силу возложенной на него миссии.

Такое понимание этики ответственности ангажированного интеллектуала перед своим народом во Франции подвергалось критике за элитарность со стороны альтернативной концепции творческих профессий, которую развивали крайние левые под влиянием советской модели «работников культуры». Как показывают французские социологи Ж. Сапиро и Б. Гобилль²¹⁴ впервые концепция творческой деятельности как «работы» начинает утверждаться во Франции в период между двумя мировыми войнами в свете усиления могущества издателей, которые все чаще стали восприниматься как «шефы» и «работодатели». Беспрецедентное расширение книжного рынка, связанное с ростом числа авторов по причине всеобщего высшего образования и появления новых медиа, вызвало структурный кризис, который отразился прежде всего на тех, кого называли «интеллектуальным пролетариатом». В ответ на угрозу пролетаризации в 1920 г. была создана Конфедерация

²¹² Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М.: Новое издательство, 2005. 328 с.

²¹³ Сартр Ж.-П. Что такое литература? Мн.: Попурри, 1998. 448 с.

²¹⁴ Gobille B., Sapiro G. Propriétaires ou travailleurs intellectuels? Les écrivains français en quête d'un statut // Le Mouvement social. 2006. 214 p.

интеллектуальных работников, которая требует для них особого социального статуса, между работодателем и рабочими. В 1936 г. проект Жана Зайа воплощает эту концепцию автора как интеллектуального работника и авторских прав как условия заработной платы. Но сведение статуса автора к интеллектуальному работнику вызвало сильное сопротивление у литературных «нотаблей», т. е. обладателей весомого институционального капитала. Некоторые из них критиковали проект Зайа за посягательство на их право собственности: авторские права должны пониматься не как доход, но как капитал, даже если он облагается большими налогами. Проект посягал в их глазах на духовную значимость автора: условия автора были сведены к «простому работяге», пролетарию, этому «новому идолу советской религии». В итоге проект Зайа был существенно модифицирован. Термин «работа» был удален, длительность посмертной защиты произведения осталась 50 лет.

Таким образом, во Франции в первой половине XX века фигура интеллектуала стала ареной противостояния по крайней мере двух ценностных режимов, каждый из которых стремился переопределить роль интеллектуала с точки зрения собственного понимания общего блага. Теологический ценностный режим, практиковавшийся в среде художников-авангардистов и эстетов, рассматривал субъекта творчества как медиума с сакральными основаниями культуры и видел его роль в особой аскезе, которая обеспечивала доступ к сакральному в условиях секуляризованной современности. Теологическому режиму противостоял демократический режим, который проблематизировал общественную ценность интеллектуального труда. Для того, чтобы обосновать свою полезность для общества, в котором сакральное утратило прежний престиж, интеллектуалы апеллировали к двум концепциям – к миссии ангажированного интеллектуала и к концепции интеллектуального рабочего как государственного служащего. В обеих концепциях мы видим, что ориентация на Другого вытесняет престиж сакрального и служит новым основанием построения профессиональных иерархий.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КУЛЬТУРЫ

С. Н. Оводова

Философская антропология изучает константы человеческого бытия, формулирует сущностные характеристики человека, проясняет основания человеческой природы. При этом в философии культуры используются антропологические характеристики в качестве метафор, объясняющих принципы функционирования